

Субботняя встреча

ПОНЯТЬ СЕРДЦЕМ

Все в мире держится на Мастерах. Эта фраза стала афоризмом. Мастерство многолико. Им отмечен труд архитекторов и кузнецов, музыкантов и каменщиков, художников и ткачей, поэтов и плотников. Любое дело засверкает красотой, если вложить в него любовь и душу...

Мастером оперного исполнительского искусства называют солиста Государственного ордена Ленина Бурятского театра оперы и балета, народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии Бурятской АССР Кима Ивановича БАЗАРСАДА-ЕВА. Сегодня он гость нашей субботней встречи.

— С момента последней Вашей встречи с барнаульскими зрителями прошло девять лет. Какими ролями Вам памятли эти годы? Над какими партиями работа продолжалась?

— Памятны — значит дороги. И я с огромным удовольствием обращаюсь сегодня к дорогим для меня образам. Это Грешин в «Евгении Онегине», Кораблев в «Двух капитанах», Григорий в «Тихом Доне», Досифей в «Хованщине». Иел я и партию Мефистофеля. Жизнь, словно испытывая на прочность, предлагала все новые и очень разные варианты спенического перевоплощения. И вот я уже в роли хана в опере «Энхэ-Булат-Батор». Быль и небыль, легенда, предания и песни бурят легли в основу этого произведения. Опера вошла в золотой фонд нашего репертуара.

Всего спето и сыграно более двадцати партий, ролей. Среди них особо чту партию Василия — русского революционера из оперы Б. Ямпилова «Цыремпил Раникуров». Сейчас готовлю себя, я бы сказал, к рискованному пагу: разучиваю партию князя Игоря. Почему рискованному? Партия написана для баритона. Но есть же лапке — горячее, искреннее...

— Работа, думается, будет успешной, ведь рядом с Вами Ваш первый учитель

— Лхасаран Линховин.

— Его я считаю своим наставником не только в музыке, но и в жизни. Признаюсь, что мне повезло дважды. Три года я учился в музыкальном училище в Улан-Уде у Линховина. И шесть лет — в Ленинградской консерватории в классе профессора Плешакова, педагога с мировым именем. Мой наставник... Эта преемственность, думаю, на мне не замкнется. Когда-то у меня будут спрашивать совета молодые певцы, и я обязательно передам им наставления моих педагогов: «Нет маленьких и больших ролей. Есть труд художника, называемый совестью народа».

— У каждого актера есть любимая роль, самая дорогая...

— Любимая роль в моем понимании всегда отождествляется с образом сложным, неординарным. Таков Досифей в «Хованщине». Это властный, сильный духом. Это цельная натура. Его трагедия — помните, Досифей сжигает себя — есть не что иное, как протест против лжи, непонимания, ласилин. Скорбь Досифей — скорбь Руси, разрозненной княжками владениями и междоусобицей.

Постепенно, по крохам набирался материал в моем воображении для «зерна» роли. Находил все новые краски.

— Бурятские народные песни используются в оперном искусстве, влияя на мелодический язык оперы...

— Да, в какой-то мере это можно проследить в творчестве основоположника профессиональной бурятской музыки Бау Ямпилова. Однако не всегда композитор прибегает к помощи песенного фольклора. Его опера «Прозрение» написана в современной манере. И тема ее современна. Я исполняю партию геолога Намжила. Намжил — центральный образ спектакля, очень богатый эмоционально. Прозрение Намжила происходит в прямом и переносном смысле, поэтому мне приходилось преодолевать и вокальные сложности и сложности спенического решения. Напряженность драматических ситуаций заставляла искать тончайшую интонационную выразительность и требовала психологической наполненности каждой фразы.

— У нас принято говорить: «...Доверили свою жизнь пращу... шоферу... летчику...» Почему не говорят: «Доверили свою судьбу режиссеру?»

— Если иметь в виду опытных певцов, то мы доверяем себя дирижеру. Дирижер создает музыкальный образ оперы, строит мостик от музыки к слову. Дирижер работает с каждым солистом над каждой

фразой, показывает, каким звуком надо изображать ту или иную фразу: плоским, выдохлым... Наконец, дирижер част музыкальную характеристику каждому образу и помогает певцу творить, пробовать, держать. Мне повезло с наставниками я третий раз, потому что работаю с тонким знатоком вокала главным дирижером театра И. Ю. Айзиковичем.

...Когда зритель уходит потрясенный, глубоко взволнованный увиденным и услышанным во время спектакля, я знаю, что мой труд и труд моих товарищей не прошел даром, что такой зритель подготовлен к дальнейшему размышлению о пережитом. Позволить прикоснуться зрителю к твоим актерским ощущениям, к твоей радости и боли, сделать зрителя соавтором, единомышленником — разве не в этом наш долг? Мы всегда ставим в затруднительное положение просьбой: «Спой песню». Одна песня не поможет установить контакта со зрителем. Нужно петь еще и еще, чтобы тебя узнали как следует, прочувствовали, приняли близко к сердцу.

— Базарсадая и песни... Как принимали ее в Вашем исполнении в Гвинее, Алжире, Сенегале?

— Далекая жаркая Африка оказала радужный прием. Я исполнял современные бурятские песни, очень ритмичные, темпераментные. Особенно по душе местным жителям приплась песня «Гнедой конь» в обработке Ямпилова. Я пел, а зрители ямпровизировали на там-тамах.

Должен сказать, что какой бы стремительной ни была поездка, какой бы короткой ни была встреча, в копилку наблюдений обязательно откладывается что-то новое.

Паверняка я утадам еще один вопрос: каковы мои планы на будущее? В апреле — мае будущего года театр впервые повесит свои спектакли в столицу нашего государства — Москву. Гастроль будут проходить на сцене театра имени К. Стапиславского и В. Немировича-Данченко. Поэтому все оставшееся время займет серьезная подготовка к ответственным и почетным выступлениям.

Беседу вел
Л. ДВОЕГЛАЗОВА.

Фото Л. БУДЯНСКОГО.